

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ САЗОНОВпротоиерей, кандидат богословия, докторант, Общецерковная докторантура имени св. Кирилла и Мефодия (Кострома, Российская Федерация)
sazonow63.12@gmail.com**АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФЕДОТОВ**доктор исторических наук, профессор Ивановского филиала, Институт управления (Иваново, Российская Федерация)
aalfedotov@yandex.ru

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1958–1988 ГОДАХ: СТАТУС И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Анализируется деятельность и социальный статус духовенства Русской Православной Церкви в период антирелигиозных гонений Н. С. Хрущева до начала перестройки. Дается характеристика состоянию государственного контроля за церковной кадровой политикой, ограничению сферы деятельности духовенства в результате реформы приходского управления 1961 года, обозначается проблема многоштатных приходов в условиях, когда количество приходов не соразмерно числу потенциальных прихожан. На основе архивных материалов и опубликованных документов показано, что во время своего существования в данный период Церковь находилась под тотальным контролем государства, всячески ограничивавшим ее каноническую деятельность. При этом она использовала предоставленные ей властью площадки «борцов за мир», «патриотическую деятельность», смогла подготовить новые высокопрофессиональные кадры, завоевать авторитет не только в советском обществе, но и во всем мире. Делается вывод, что правильное использование очень ограниченных в рассматриваемый исторический период возможностей во многом зависело от личности архиерея или священника.

Ключевые слова: приходская жизнь, духовенство, Церковь, государство, священник, образование

1958–1988 годы – особый период в истории Русской Православной Церкви (РПЦ), связанный с двумя реформами приходского управления. Первая из них, проведенная в 1961 году в рамках антицерковных репрессий хрущевской оттепели, отстранила духовенство от управления приходами. Вторая, ставшая возможной в силу происходивших в Советском Союзе демократических преобразований, вернула в 1988 году духовенству право активного участия в приходском управлении. Статус и деятельность православных священнослужителей в этот период – тема, без понимания которой сложно правильно воспринимать и отечественную историю последующего периода, когда РПЦ активно включилась в общественные процессы. Среди вопросов, которые нуждаются в рассмотрении в рамках данной проблемы, – реформа приходского управления 1961 года и ее последствия, государственный контроль за церковной кадровой политикой, возможности архиереев и священников осуществлять свою деятельность в условиях прессинга со стороны атеистического государства. Несмотря на то, что вопросы истории РПЦ в обозначенный период рассматривались О. Ю. Васильевой, М. В. Шкаровским, протоиереем Владиславом

Цыпиным, Д. В. Поспеловским, многими другими исследователями как на центральных, так и на региональных материалах, ряд вопросов, в том числе проблемы статуса и деятельности священнослужителей, требует дальнейшего изучения, в том числе в связи с введением в научный оборот новых архивных материалов, в первую очередь материалов региональных церковных архивов.

В статье использованы материалы Государственного архива РФ, Российского государственного архива новейшей истории, Центрального государственного архива Московской области, государственных архивов Владимирской, Костромской и Смоленской областей, текущие архивы Иваново-Вознесенской и Костромской епархий, документальные публикации. Анализ и синтез полученной при изучении данных документов информации позволяет рассмотреть проблему достаточно полно.

Путем психологического и административного давления на желающих стать священнослужителями людей искусственно создавался кадровый голод. Через Совет по делам религий при СМ СССР существовал прямой контроль государства за церковной кадровой политикой, потому

что без санкции Совета или его региональных уполномоченных не мог быть назначен ни один священнослужитель. Сокращением количества приходов, искусственным созданием нетерпимого отношения к религии в обществе было сформировано внешнее давление на Церковь. Недопущение Церкви к присущей ей деятельности в социальной, благотворительной, воспитательной сферах создавало внутреннее давление на верующих, имеющих активную гражданскую позицию. Оно усугублялось внедрением в органы управления приходами людей аморальных, порой неверующих, что приводило к разладу приходской жизни, созданию конфликтных ситуаций между священнослужителями и приходским советом, прихожанами¹.

С конца 1950-х годов священноначалие РПЦ осознавало опасность смены государственного курса в отношении религии, произошедшей с приходом к власти Н. С. Хрущева. Уровень массовой атеистической пропаганды в государственных изданиях был тенденциозным и крайне низким: «Печатается явная ложь, оскорбления, карикатуры», – заявлял митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич), назвав подтасовкой и ложью высказывания в газетах, которые приписывались Григорию Богослову². В создавшихся условиях нетерпимого отношения к религиозным убеждениям в обществе тема «защиты мира» стала для Московской Патриархии одним из главных направлений [9], благодаря которому удавалось выходить из-под удара ревнителей полной ликвидации религиозных организаций. Был найден способ заявить о своей нужности государству, своей лояльности власти, «провозглашающей построение коммунизма без религии», которое для целей внешней политики вынуждено было терпеть существование РПЦ и само «религиозное пространство». Одним из факторов «нужности» были «добровольные» взносы в Фонд мира, которые тяжелым бременем ложились на финансовую сторону жизни Церкви. В церковной среде они воспринимались как неизбежная подать. Начиная с конца 1960-х годов каждый священник должен был ежегодно рапортом, с приложением номера квитанции отчитаться управляющему епархией о добровольно сданной им сумме взноса в Фонд мира³. В адресе по случаю награждения в 1979 году архиепископа Костромского и Галичского Кассиана (Ярославского) медалью советского Фонда мира уполномоченный Совета по делам религий по Костромской области М. В. Кузнецов отмечал:

Приятно отметить, что духовенство в нашей стране и в нашей области по примеру Священного Синода и лично Патриарха Московского и всея Руси Пимена проявляет не просто политическую лояльность по

отношению к социалистическому строю, но и активно содействует усилиям нашего государства в борьбе за мир, разоружение и справедливое отношение между народами. Борьба за мир стала традицией РПЦ, ее усилия в этом деле получают сегодня высокую оценку Советского правительства, советской общественностью⁴.

Финансовые отчисления, производимые Костромской епархией, были тому подтверждением. Если на нужды Патриархии епархия сдавала 70 000 руб., то в Фонд мира – 50 000 руб.⁵ Политика Церкви, делающая акцент на патриотизм и не только словесное, но и материальное участие в борьбе за мир, приносила свои дивиденды в виде некоторых послаблений строгого контроля и нетерпимого отношения к религии со стороны властей. С 1970-х годов был увеличен квота поступающих в Духовные семинарии, что допускало возможность решать острый вопрос с нехваткой кадров. Таким образом, в основе своих отношений с властями Патриархия придерживалась нейтральной линии о воздаянии «кесарева кесарю, а Божие Богу», утверждая в речах своих иерархов, особенно за рубежом, что Церковь призвана разделять судьбу родного народа и жить своей благодатной жизнью при любом политическом строе [5: 30].

Лояльность власти и патриотизм через отчисления в Фонд мира служили оценкой деятельности не только руководителей Патриархии, но и епархиальных управляющих и священников в приходах. По признаку политической совместности, как заявлял заместитель председателя Совета по делам религий В. Г. Фуров в своем докладе, оценивались епархиальные архиереи [9: 33–35]. Такие формулировки говорили о том, что Совет и власти контролировали все сферы бытия религиозных организаций. Важно отметить, что под особо жестким контролем находились кадры священнослужителей, причем не только в приходе, но в первую очередь в учебных заведениях⁶. Все эти направления антирелигиозной работы были приняты с целью выработки общего подхода и стратегии для работы партийных и государственных деятелей с представителями религиозных организаций, результатом которой должен быть тотальный контроль над священнослужителями, особенно в сфере формирования политических и идеологических представлений у служителей культа. В процессе учебы в семинариях власти держали под продуманным и тщательным контролем идеологическую сферу бытия семинаристов. В. Г. Фуров говорил присутствующим партийным функционерам, что в духовных школах налажен процесс воспитания духовенства в духе патриотизма и любви к Советской Родине. По его словам, эта работа осуществлялась с помощью иерархов, руководителей духовных школ.

В программу семинарий были включены следующие предметы: история СССР, Конституция СССР, были пересмотрены в интересах международной политики государства учебные пособия по ряду церковных предметов. Например, в предмет нравственного богословия была введена тема «Международный мир как нравственная задача христиан и людей доброй воли». Использовались политические лектории среди учащихся духовных школ, индивидуальные и доверительные беседы. Тех, кто не вписывался в общие рамки, отчисляли [9: 52–54]. Предполагалось, что контроль за обучением и воспитанием будущих пастырей обеспечит их лояльность власти в процессе их приходского служения и будет соответствовать новой генерации советских людей. В данной связи необходимо отметить, что будучи лояльными к существующей власти духовенство все же не могло не говорить или думать о притеснениях проявлений религиозных убеждений верующих людей со стороны государства, в частности о вмешательстве властей в приходскую жизнь Церкви, где духовенству отводилась роль наемного служащего. В открытом письме московских священников к Патриарху Алексию I в 1965 году указывалось, что борьба идет не просто между Церковью и властью, борьба ведется между лучшими представителями Церкви – епископами, священниками, мирянами и против антирелигиозной политики власти, и против официальной политики Московской Патриархии, которая в некоторых случаях протеста против гонений на Церковь со стороны священнослужителей и мирян превращается в инструмент власти по отношению к ним [8]. В том же письме недвусмысленно уточняется положение Совета по делам РПЦ, реорганизованного в 1966 году в Совет по делам религий при Совете Министров СССР:

С назначением председателем СДРПЦ В. А. Куредова вместо Г. Г. Карпова Совет превратился из государственного органа – посредника, регулирующего отношения между Церковью и государством, в орган неофициального, диктаторского управления Московской Патриархией, которая в нарушение советского законодательства подчинялась устным распоряжениям власти [8: 162].

Архиерейский Собор, собравшийся 18 июля 1961 года в Троице-Сергиевой лавре, своим изменением традиционной системы приходского управления отстранил настоятеля от управления приходом. Принятые Собором постановления рассматривались государственной властью как способ в условиях равноправия граждан, данного им Конституцией, с помощью внутренней церковной процедуры ограничить в правах священнослужителей, и как форма тотального

контроля за церковными финансами. 15 января 1960 года Г. Г. Карпов в докладной записке Н. С. Хрущеву, сообщая об итогах работы Совета за последние годы, приводил красноречивые цифры, свидетельствующие о работе Совета против Церкви:

...что касается последних 12 лет, то мы сдерживаем натиск <верующих>, прямо игнорируя все заявления об открытии церквей и молитвенных домов <...> За 1959 г. нами закрыто 300 церквей и молитвенных домов. По сравнению с 1948 г. число церквей уменьшилось более чем на 1300⁷.

В докладе В. Г. Фурова указывалось, что областные уполномоченные Совета по делам религий в тесной связи с местными органами власти принимали меры как по ограничению приема в Духовные семинарии, так и по недопущению приема нежелательных элементов [9: 51]. Он отмечал, что

стараниями Совета по недопущению абитуриентов к поступлению в семинарии к 1974 году среди церковных кадров доля престарелых священнослужителей (старше 60 лет) составляла 48,5 %, т. е. почти половина от общего числа. Образовательный уровень духовенства оставлял желать лучшего: количество священнослужителей со средним духовным образованием (окончивших семинарии) составляет 39 % от общего числа духовенства, что, по его мнению, показывает: а) фактор отрицания религии, б) не самую высокую квалификацию кадров [9: 28–29].

Его слова подтверждаются действиями власти, искусственно создававшей условия для дефицита кадров – «кадровый голод», в результате которого на законном основании можно было закрывать церкви, особенно в малолюдных приходах, из-за отсутствия священника и верующих.

В свете антирелигиозной политики по отношению к любому религиозному проявлению власть строго и ревностно следила за активностью архиереев и священников. Всякий отход от политики невмешательства в епархиальные дела вызывал неудовольствие уполномоченных и конфликты между ними и епархиальными архиереями. О «неуправляемости» архиерея уполномоченный сразу докладывал в Москву. Конфликт приводил во многих случаях к смещению «активного и деятельного архиерея» из епархии, находящейся в Центральной России, в епархии находящиеся на окраинах Советского Союза. Активность архиерея характеризовалась следующими признаками: а) увеличение числа архиерейских служб, при которых присутствует большое количество молящихся, б) частое посещение приходов, требование к духовенству увеличения богослужений и произносимых проповедей, в) обеспечение религиозных объединений литературой и предметами культа,

г) своевременное обеспечение приходов кадрами священнослужителей, д) привлечение молодежи в Церковь, е) вмешательство в финансовые и организационные дела общин и т. д. Такой активностью обладал, например, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич), по этой причине смещенный со всех административных церковных постов и безвременно почивший в 1961 году. В докладной записке о результатах проверки деятельности уполномоченного по делам Русской Православной Церкви по Москве и Московской области А. А. Трушина, адресованной заместителю Совета С. К. Бельшеву, говорилось:

В отличие от других областей, в Московской области в составе духовенства из года в год происходит увеличение числа служителей культа молодых возрастов <...> В большинстве своем (68 человек) это служители культа не старше 35-летнего возраста, составляющие активную часть духовенства, принимающие всяческие меры к укреплению и расширению влияния церкви <...> Многие священники, недавно покинувшие духовные учебные заведения, своей деятельностью значительно оживили и активизировали приходы, считавшиеся «бедными» и от службы в которых ранее отказывались служители культа⁸.

Вышеприведенный текст докладной записки А. Трушина свидетельствует о том, что, несмотря на принятые меры по недопущению молодежи к поступлению в духовные учебные заведения, несмотря на кампанию запугивания и административные воздействия, число абитуриентов неуклонно росло, кадры омолаживались. Так, заявление о приеме в Духовные школы в 1960 году подали более 30 человек из Москвы и Московской области, что превышало показатели предыдущего, 1959, года [8: 124].

С целью парализовать волю к проявлению религиозной активности и сопротивлению антирелигиозной политике государства, в частности в деле вмешательства в хозяйственно-финансовую деятельность приходов, в 1960-е годы в рамках инициированных Н. С. Хрущевым антирелигиозных репрессий оказывалось давление на епархиальных архиереев. В случае с архиепископом Иовом (Кресовичем) оно закончилось уголовным делом по надуманному обвинению и реальным сроком заключения⁹. Этим примером возможностей власти по отношению к «нарушителям» было наглядно показано, как опасно противостоять государственному нажиму. Но такие случаи были все же редкостью. В основном же для решения вопросов в необходимом русле власти не нужно было прибегать к таким крайним формам – церковная иерархия «послушно» исполняла требования властей по сокращению числа религиозных организаций и религиозной активности. Так, после «соответ-

ствующей работы» уполномоченного по Москве и Московской области А. Трушина с преемником митрополита Николая (Ярушевича) митрополитом Питиримом (Свиридовым) последний пересмотрел состав благочинных, сменив 8 из 12 наиболее активных и принципиальных пастырей на людей более покладистых для власти¹⁰. Уголовные дела возбуждались и на приходских священников. Обвинения носили, как правило, экономический характер, чем подчеркивалось, что неподчинение политике властей со стороны священнослужителей и верующих имеет в первую очередь криминальный характер. На протоиерея Богдана Стефанко было заведено уголовное дело по обвинению в незаконном приобретении строительных материалов для постройки храма¹¹.

Последовательно проводя политику по сокращению числа духовенства, власти подходили к решению вопроса комплексно: как через недопущение верующих к учебе в Духовных заведениях, лишение регистрации наиболее активных священников, так и сокращение числа священнослужителей через сокращение штатов церквей. Таким образом был искусственно создан и поддержан кризис кадров. В Московской епархии было сокращено количество второстатных священников и прекращены назначения для временного служения заштатных клириков. Были приняты решения об отказе в рукоположении лицам, оставившим гражданскую службу, пенсионерам, запрете дополнительных сборов и других мерах, направленных на укрепление позиций Церкви. В течение следующих 4 лет в Московской области было закрыто 30 храмов и значительно сократилось число священнослужителей: с 1959 по 1965 год количество храмов сократилось с 211 до 134; количество священнослужителей сократилось с 388 священников и 107 диаконов до 181 и 30 соответственно¹².

Оценивая ситуацию в епархиях и на приходах Центральной России после отставки Н. С. Хрущева, отметим, что, несмотря на административное давление властей, положение религиозных институтов во многом напрямую зависело от личности правящего архиерея, его авторитета, отношений с уполномоченным по делам религий. Ситуация и в приходах была аналогичной епархиальной. Дипломатический талант, поддержка, умение наладить диалог играли огромную роль в отношениях между священником и церковным советом, священником и уполномоченным, райсполкомом. О высоте архиерейского и пастырского служения, об авторитете священнослужителя среди верующих и неверующих говорят факты. Например, несмотря на противодействие государственных и партийных органов

костромской архиепископ Кассиан не только не закрывал храмы в своей епархии, но с 1964 по 1983 год рукоположил 45 священнослужителей, найдя, что было весьма непростым делом, кандидатов на священнические места среди верующих людей, не окончивших учебные заведения, так как Учебный комитет РПЦ направлял для служения в епархию 1–2 человек в течение 2–3, а то и 5 лет и решить проблему кадров, рукополагая кандидатов в священство, имеющих духовное образование, не было возможности. По состоянию Костромской епархии на 1988 год в ней насчитывалось 67 действующих храмов¹³. Такой показатель держался фактически весь период служения архиепископа Кассиана в Костроме. Из этого можно заключить, что за период своего служения в Костромской епархии владыка рукоположил священнослужителей к 67 % храмов своей епархии¹⁴, что подтверждает факт возможности противостояния антирелигиозному наступлению при разумной осторожности и мудрости управления.

Таким же образом обстояло дело и с привлечением молодежи в храмы. Несмотря на запреты властей о привлечении молодежи к церковной жизни, например, в храмах Московской области продолжалось увеличение количества молодых людей, присутствующих на богослужении. К немалому возмущению уполномоченного по делам религии А. Трушина, накануне начала нового учебного года 30 и 31 августа 1960 года в храме г. Коломны молились 47 школьников, над 5 первоклассниками было совершено таинство крещения¹⁵.

Будучи вынужденным внешне быть лояльным антирелигиозной политике власти и отрицать на международных площадках гонение на религию, священноначалие Патриархии с конца 1950-х годов письменно через воззвания и статьи, устно через наставления укрепляло посредством епархиальных архиереев дисциплину среди духовенства, что свидетельствовало о заботе и повышении авторитета духовенства как среди верующих, так и в обществе:

Осуществляя свои задачи по укреплению разлагающихся приходов, «намеченных Советом к закрытию, они незамедлительно делали соответствующие переводы тех служителей культа, которые в глазах верующей части населения теряли свое достоинство, активно реагировали на внутрицерковные склоки¹⁶.

Меры по повышению дисциплины духовенства и авторитета его в обществе были актуальными и давали надежду переломить религиозную ситуацию как на приходе, так и в стране. Как уже отмечалось, роль священника в приходе была снижена до роли наемного служащего. Управление приходом не только распоряжениями светской власти, но и церковной было отдано

фактически старостам и приходскому совету. Священник не мог служить в приходе без регистрации у уполномоченного Совета по делам религий, являющейся своего рода лицензией на его деятельность – государственным разрешением на совершение богослужений. В 1961 году при специальной перерегистрации духовенства всем священнослужителям было предложено к исполнению распоряжение власти о том, что все требы на дому и панихиды на кладбищах можно совершать только по письменному разрешению государственных органов. Регистрация священникам выдавалась только в том случае, если они расписывались, подтверждая, что будут беспрекословно выполнять данное распоряжение. Получить разрешение на требы практически было невозможно, таким образом, духовенство оказалось лишенным возможности выполнять требы по просьбе верующих. Но если она была и дана, то в любой момент под любым предлогом священник снимался с регистрации и фактически выбывал «за борт жизни» без пенсии и пособия, так как епархия выплачивала пенсии только тем священникам, кто добровольно вышел за штат, а также вдовам священнослужителей. Таким образом, путем регистрации церковных треб власть проводила совершенно отчетливо выраженную политику религиозной дискриминации верующего населения СССР. Под официальным запретом была благотворительная деятельность Церкви, что лишало Церковь и духовенство выполнения главной миссии – заботы о страждущих, немощных и больных:

В СССР созданы условия, при которых становится невозможным и ненужным возрождение в какой-либо форме благотворительности, этого позорного пережитка эксплуататорского общества <...> Гроши, выделяемые церковью из своих огромных доходов, способны лишь унижить человека [2].

Но заштатные и престарелые священно- и церковнослужители, их вдовы, оставшиеся без государственных пенсий, так не считали¹⁷.

Социальные различия между городом и деревней определяли разницу между сельским и городским духовенством. В данном контексте дистанция огромного размера отделяла сельского священника от настоятеля собора в областном или столичном городе как в материальном, образовательном, культурном плане, так и в плане общения с властями, вынужденной солидаризации с государственной идеологией.

Однако все вышеперечисленные меры по воспитанию нового поколения священников, разложению приходов, дискредитации религии не приносили должного результата. Время показало невозможность искоренения религии, к каким бы методам и средствам не прибегали ее

противники. Именно такой вывод делает уполномоченный Совета по делам религий по Смоленской области в 1987 году:

Идет процесс воспроизводства религии, причем в новых поколениях советских людей. Имеют место факты мировоззренческой незрелости отдельной части молодежи, проявления нездорового интереса к религиозному прошлому, неосознанного участия в церковных праздниках и обрядах¹⁸.

Отметим, что, несмотря на прогнозы В. Г. Фурова по поводу воспроизводства церковных кадров [9: 29], несмотря на жесткий подход со стороны контролирующих органов, епархии с каждым годом пополнялись образованными клириками, прошедшими курс как очного, так и заочного отделений духовных школ. К примеру, архиепископ Костромской и Галичский Кассиан окончил Ленинградскую духовную академию и защитил кандидатскую диссертацию в 1958 году в возрасте 57 лет. От клириков своей епархии он неуклонно требовал повышения образовательного уровня. В целом в епархиях Центральной России (исключая Москву и Московскую область, где уровень образования был выше) количество священнослужителей с кандидатской богословской степенью составляло 12 % от общего количества духовенства¹⁹. Как показывают документы, не только контролирующие органы уделяли внимание воспитанию церковных кадров. В первую очередь этим занималась Церковь, которой в тяжелое время гонений, преодолевая препоны власти, удалось воспитать новую генерацию священнослужителей, да еще и в нужном ей контексте. Говоря о заботе и внимании, которые уделялись священноначалием монастырям и духовным школам, приведем слова Патриарха Пимена, который говорил, что задача духовных школ – подготовить достойных священнослужителей, которые проводили бы жизнь благочестивую, трезвую, от суетных обычаев устранившую, в духе смиренного мудрия и кротости [6: 370–371].

Серьезной мотивацией к повышению уровня образования духовенства было назначение окончивших академии в городские приходы и на должности благочинных. Священники стремились получить заочное образование, чтобы получить приход более достойного содержания. Например, в Костромской епархии в 1980-е годы из 6 благочинных 5 были кандидатами богословия²⁰.

1988–1989 годы стали переломными в церковно-государственных отношениях. Со времени хрущевских гонений начала 1960-х годов прошло двадцать лет. Обещанный на XXII съезде партии коммунизм так и не был построен, страна вступала в эпоху перемен,

перестройки. Были открыты 32 монастыря, 3000 новых приходов, 3 духовные семинарии, 6 духовных училищ, множество воскресных школ, увеличился прием в духовные учебные заведения, начались внебогослужебные катехизические занятия с верующими, духовенство получило доступ к СМИ, стало участвовать в общественном диалоге, свидетельствуя о колоссальном духовном опыте и огромных созидательных возможностях Церкви. Церковной властью практически были выполнены все пункты по преодолению духовного кризиса 1960–1970-х годов, к выполнению которых призывали активисты правозащитного движения, в частности в обращении С. Красовского от 4 июля 1987 года [7: 141–142]. Более того, за 1960–1980-е годы РПЦ стала влиятельной международной силой. 25 мая 1978 года в выступлении на торжественном праздновании 60-летия Патриаршества Святейший Патриарх Пимен констатировал невозможные ранее факты, а именно, открытие и регистрацию семи новых приходов. Конечно, они располагались на окраинах Советского Союза: в Томской, Ростовской областях, Алтайском крае, в Узбекской, Казахской ССР, в Новгородской и Новосибирской епархиях, но это само по себе было позитивным прецедентом [6: 14]. И хотя об изменении ситуации со свободой религии в СССР на тот момент не могло быть и речи, однако отметим знаменательное в своем роде событие: в 1981 году Издательский отдел РПЦ переехал из тесных помещений Новодевичьего монастыря в отреставрированное здание на Погодинской улице, в 1983 году началось восстановление Данилова монастыря в Москве.

Генерация молодых священнослужителей, стоявших на патриотических позициях и пользовавшихся возможностью формы сотрудничества с властью в сфере «борьбы за мир», переломила ситуацию с восприятием образа церковника как врага власти. Глубоко закономерно, что в 1989 году в народные депутаты РСФСР нескольких автономных республик и областей, а также в окружные, городские районные и сельские советы по всей стране были избраны десятки священнослужителей Русской Православной Церкви. Патриарх Пимен был избран в состав высшего депутатского корпуса – он стал народным депутатом СССР [1: 290–291]. 3 апреля 1990 года было озвучено заявление Священного Синода Русской Православной Церкви, которое явилось историческим документом исключительного значения. Как подметил в своей оценке документа митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (ныне Патриарх Московский и всея Руси), ничего подобного ранее не заявляли ни Синод, ни Архиерейские Соборы:

Документ свидетельствует о новом курсе, который приняла Русская Церковь в начале 1990 года. Суть курса заключается в том, чтобы, во-первых, определить позицию перед лицом быстро меняющейся политической ситуации, сохранить мир и единство Церкви, сформулировать главные проблемы, которые волнуют Церковь, и наметить пути ее преобразования. В документах сообщается о создании комиссии по возрождению религиозно-нравственного воспитания и благотворительности <...> Документ содержит в себе ясную и принципиальную оценку внутрицерковного положения, открытую критику в адрес правительства и, в частности, Совета по делам религий, предложения, направленные на коренные, принципиальные изменения церковно-государственных отношений. Вспомним, что документ был написан в далеком уже 1990 году, когда власть, к которой обращала свое слово Церковь, имела еще возможность в очередной раз противопоставить себя Церкви и заглушить ее голос [4: 36].

Выводы, которые можно сделать по данной теме на основании изученных документов центральных и региональных архивов, а также исследований заслуженных современных историков, таковы: антицерковная политика Н. С. Хрущева характеризовалась попыткой отменить результаты перемен в государственно-церковных отношениях, произошедших в послевоенные годы, вернуться к антирелигиозной деятельности, направленной на полное уничтожение религии в СССР. Реформа приходского управления, проведение единовременного учета религиозных объединений, закрытие храмов были внешними проявлениями этой политики. Появление на-

учного атеизма и широкое использование его в учебном процессе были призваны обеспечить идеологическую базу проводимого администрирования. Влияние государственного атеизма на внутрицерковную жизнь было достаточно велико и после отставки Н. С. Хрущева в 1964 году и сохранялось фактически до 1988 года, когда после празднования Тысячелетия Крещения Руси произошли перемены в государственно-церковных отношениях. Усиление внешнего контроля обеспечивалось созданием комиссий содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах при райисполкомах, причем общее число членов этих комиссий существенно превышало число священнослужителей. Давление на православные приходы изнутри обеспечивалось введением в число их исполнительных органов людей нерелигиозных и аморальных, получавших поддержку местной власти за то, что они проводили деятельность по подрыву авторитета православия (зачастую не прилагая к этому никаких усилий, так как она была для них естественной). В этих условиях Русская Православная Церковь выстояла благодаря тому, что смогла внутренне дисциплинироваться, защититься желанием быть полезной государству, подразумевая под термином «государство» Родину, завоевала высокий авторитет своего служения среди народа (даже среди неверующих) благодаря пастырям, искренне избравшим служение Богу целью своей жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Текущий архив Иваново-Вознесенского епархиального управления (по состоянию на 2005 год). Годовой отчет по Ивановской епархии за 1970 год. Иваново, 1970.
- ² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 284. 82 с.
- ³ Архив Костромского епархиального управления. Личное дело протоиерея Степанова Владимира Михайловича. 69 с.
- ⁴ Архив Костромского епархиального управления. Личное дело архиепископа Костромского и Галичского Кассиана (Ярославского). 95 с.
- ⁵ Архив Костромского епархиального управления. Годовой отчет Костромского епархиального управления за 1988 г. Раздел: Наименование статей расходов. Кострома, 1989. 12 с.
- ⁶ Государственный архив Костромской области (ГАО). Ф. р-2102. Оп. 5. Д. 207, 216.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1747. 93 с.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1037. 101 с. С. 25.
- ⁹ Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. СПб., 2003 С. 71–72.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 6991 Оп.1. Д. 1037. 101 с. С.14.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 15.
- ¹³ Архив Костромского епархиального управления. Годовой отчет Костромской епархии за 1988 год. Кострома, 1989. 37 с.
- ¹⁴ Архив Костромского епархиального управления. Личное дело архиепископа Костромского и Галичского Кассиана (Ярославского). 95 с.
- ¹⁵ Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 7383. Оп. 3. Д. 28. 132 с.
- ¹⁶ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 33. Д. 5. 113 с.
- ¹⁷ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 29. 115 с.
- ¹⁸ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 985. Оп. 2. Д. 75. 46 с.
- ¹⁹ Государственный архив Владимирской области (ГВАО). Ф. р-632. Оп. 7. Д. 2. 62 с.
- ²⁰ Архив Костромского епархиального управления. Годовой отчет Костромской епархии за 1988 год. Кострома, 1989. 37 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавский А. В. Приход в Русской Православной Церкви. XX век // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 290–291.

2. Иванов А. «Хрущевская оттепель» // Ивановский епархиальный вестник. 1998. № 4. С. 5–13.
3. Носов В. Церковное подаяние // Наука и религия. 1960. № 5. С. 86–90.
4. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. От редакции. Предисловие к разделу «Новейшая история русской Церкви в документах» // Церковь и время. 1998. № 1 (4). С. 36–38.
5. Окончание учебного года в Одесской духовной семинарии // Журнал Московской Патриархии. 1959. № 7. С. 30–31.
6. Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Речь на выпускном акте МДА 14 июня 1973 г. // Слова, Речи, Послания, Обращения. 1957–1977. Т. 1 / Изд. Московской Патриархии. М., 1977. С. 370–371.
7. Русов А. Открытое письмо А. Красовского // «Русское возрождение». Нью-Йорк; М.; Париж, 1987. № 40 (IV). С. 141–144.
8. Сообщения Института по изучению СССР. Мюнхен, 1965. № 1. 212 с.
9. Фуров В. Отчет Совета по делам религии членам Центрального комитета коммунистической партии СССР. Нью-Йорк; Монреаль, 1991. 79 с.

Sazonov D. I., Diocese of Kostroma (Kostroma, Russian Federation)
Fedotov A. A., Institute of Management (Ivanovo, Russian Federation)

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1958–1988: ITS STATUS AND ACTIVITIES

This article is concerned with the analysis of the social status and activities of the Russian Orthodox Church clergy during religious persecutions conducted by N. Khrushchev up to the beginning of perestroika. The author characterizes the essence of the state control over the Church personnel policy. The limitations of the clergy's activity as a result of the reform of the parish administration in 1961 are studied. The author also identified the problem of the increased staff in parishes with a disproportionately small number of potential parishioners. On the basis of the archival materials and published documents, it is shown that during this period the Church was totally controlled by the state, which in every way limited its canonical activity. At the same time, the Church effectively used the platforms of "fighters for peace" and "patriotic activity" provided by the authorities. As a result the Church managed to train a new highly professional personnel and to gain credibility not only in the Soviet society but throughout the world as well. The author came to a conclusion that the proper employment of very limited opportunities during this historical period largely depended on the personality of the Bishop and priests.

Key words: parish life, clergy, Church, state, priest, education

REFERENCES

1. Zhuravskii A. V. Parish in the Russian Orthodox Church of the twentieth century. *Pravoslavnyaya entsiklopediya. Russkaya Pravoslavnyaya Tserkov'*. Moscow, 2000. P. 290–291. (In Russ.)
2. Ivanov A. "Khrushchev's thaw". *Ivanovskiy eparkhial'nyy vestnik*. 1998. No 4. P. 5–13. (In Russ.)
3. Nosov V. Church alms. *Nauka i religiya*. 1960. No 5. P. 86–90. (In Russ.)
4. Mitropolit Smolenskii i Kaliningradskii Kirill. Metropolitan Kirill of Smolensk and Kaliningrad. From the editor. Preface to the section "Modern history of the Russian Church in documents". *Tserkov' i vremya*. 1998. No 1 (4). P. 36–38. (In Russ.)
5. The end of the school year in Odessa theological Seminary. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*. Moscow, 1959. No 7. P. 30–31. (In Russ.)
6. Pimen, Patriarkh Moskovskii i vseya Rusi. The speech at the graduation ceremony of MDA 14 Jun 1973. *Slova, Rechi, Poslaniya, Obrashcheniya. 1957–1977*. Vol. 1. Moscow, 1977. P. 370–371. (In Russ.)
7. Rusov A. Ruses open letter to A. A. Krasovsky. "*Russkoe vozrozhdenie*". New York, Moscow, Paris, 1987. No 40 (IV). P. 141–144. (In Russ.)
8. Reports Of the Institute for the study of the USSR. Myunkhen, 1965. No 1. 212 p. (In Russ.)
9. Furov V. A letter of the council on religious Affairs to members of The Central Committee of the Communist party of the USSR. New York, Monreal, 1991. 79 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 20.04.2018